

МИХАИЛ БАХТИН О «БЫТИИ В КУЛЬТУРЕ» И ЕГО СМЫСЛЕ

Ольга Вадимовна Стукалова (Москва)

Абстракт:

В статье рассматриваются аспекты концепции культуры крупнейшего философа XX века – Михаила Бахтина. Особое внимание обращается на педагогический потенциал его идей: идея «доброты эстетического», идея эстетической нужды человека в Другом человеке, идея эстетического взгляда на мир и так далее. Философ рассматривает возможность бытия в культуре, когда человеческая жизнь обретает смысл в культуротворчестве. Свою теорию Бахтин раскрывает на анализе литературных текстов, в частности, романов Ф. М. Достоевского. Исследуя особенности поэтики писателя, Бахтин обосновывает такие ключевые понятия, как «диалог», «хронотоп», «внеаходимость», поступок. Основным выводом статьи является положение о том, что идеи Бахтина обращают наше внимание на особенности постижения культуры и истории в каждом индивидуальном человеческом бытии.

Ключевые слова: философское наследие Михаила Бахтина, эстетическое начало, культура, культуротворчество, творчество Достоевского, диалог, педагогический потенциал.

Abstract:

The aspects of the cultural concept of the outstanding philosopher of the 20th century – Mikhail Bakhtin are considered in this article. The special attention addresses at the pedagogical potential of his ideas: idea “kindness of the aesthetic”, idea of aesthetic need of the person in Other person, idea of an aesthetic view at the world and so on. The philosopher considers possibility to exist in culture when the human life finds meaning in cultural action. Bakhtin bases the theory on the analysis of literary texts, in particular, F. M. Dostoevsky's novels. Investigating features of poetics of this writer, Bakhtin proves such key concepts, as “dialogue”, “khronotop”, “vnenakhodimost”, an act. The basic conclusion of article is position that Bakhtin's ideas pay our attention to features of comprehension of culture and history in each individual human life.

Keywords: Mikhail Bakhtin's philosophical heritage, the aesthetic beginning, culture, cultural action, Dostoevsky's creativity, dialogue, pedagogical potential.

Идеи Михаила Бахтина востребованы сегодня не только филологами, философами, обобщенно говоря – теоретиками-гуманитариями, но и теми,

кто стремится трансформировать абстрактные, на первый взгляд, положения в реально действующие механизмы воспитания – то есть педагогами.

Возможно, такой пристальный интерес к бахтинскому наследию объясняется тем, что сам учёный глубоко обосновал понимание начала, через которое осуществляется встреча мира культуры и мира жизни. Несомненно также, что педагогический потенциал философии М. М. Бахтина заключается и в его учении о «доброте» эстетического: эстетическое ничего не выбирает, ни от чего не отталкивается и не отвлекается. Ценностным центром эстетического видения становится человек как «любовно утверждённая конкретная действительность».

Можно особенно выделить несколько этических выводов М. М. Бахтина, которые учёный делает, анализируя литературные тексты.

Во-первых, согласно М. М. Бахтину, только бескорыстная любовь, «только любовно заинтересованное внимание может развить достаточно напряжённую силу, чтобы охватить и удержать конкретное многообразие бытия, не обеднив и не схематизировав его».

Философ также приходит к выводу о необходимости сочетания эстетического взгляда с любовью к миру и человеку: «безлюбовь, равнодушие никогда не разовьют достаточно силы, чтобы напряжённо замедлить над предметом, закрепить, вылепить каждую мельчайшую подробность и деталь его. Только любовь может быть эстетически продуктивной»¹.

И, кроме того, особенно важна и мысль М. М. Бахтина о существовании абсолютной эстетической нужды человека в Другом, а именно – в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность; этой личности не будет, если другой её не создаст.²

Исходя из этих позиций, учёный разворачивает собственную концепцию «бытия в культуре», то есть культуротворчества, созидающей активности каждого человека. Мысль Бахтина развивается в русле близких ему понятий – прежде всего – хронотопа. Неумолимое Большое время, время истории, «хронополифонии», оказывается подвластным человеку, когда человек улавливает его смысл, устанавливая тем самым с ним связь.

Так, в форме культуры оказывается синхронизированными исторически непреходящие и мгновенные события, важные как для всего человеческого рода, так и только для конкретного человека. Творя культуру, человек совершает своё собственное открытие, постигая бытие в событии (не случайно, по Бахтину, такое событие называется «событие бытия»).

¹ БАХТИН М. М.: Заметки. Литературно-критические статьи. Москва, Художественная литература, 1986, с. 510–511.

² БАХТИН М. М.: Эстетика словесного творчества. Москва, Искусство, 1986, с. 37.

В этот момент происходит обновление – обновляется не только человек, но и мир. Конечно, реальность остается как бы неизменной, но происходит смысловое и во многом – ценностное – преобразование мира – и оно дает толчок к новому возрождению культуры через творческую самореализацию человека, когда он выступает как целое через формы отношения к событию, через форму его переживания жизни, которая представляет собой «выразительное говорящее бытие».

Термин «говорящее» связывает такое представление о жизни с другим ключевым понятием бахтинской концепции культуры – диалогом. Именно в диалоге происходят полноценное взаимное понимание субъектов культуры, а также их собственное активное самораскрытие, то есть «со-бытие». Такой диалог – сложный творческий акт, во многом близкий природе художественного творчества. Импульсом становится в данном случае нужда в любви как эстетическом действии, любви, которая приносит радость творящего выражения, выразительного понимания Другого и через это понимание – радость самооткрытия и в «живом контакте с чужой мыслью»³, и в поступке.

М. М. Бахтин утверждал, что, только вступая в со-бытие (диалог) с уникальностью «другого», личность обретает собственную уникальность, творя новый мир, новую культуру. Таким образом, процесс культуротворчества понимается в бахтинской концепции как самоопределение в диалектическом взаимоотношении, взаимообмене между «Я», «Другими» и социумом. Культуротворчество наделяется такими качествами, как воля, ответственность, осмысленность преобразования мира, а также венаходимость.

Понятие «вненаходимости» – одно из сложнейших в бахтинской концепции культуры. Современный исследователь отмечает: «Бахтин под «вненаходимостью» подразумевает внешнюю позицию познающего субъекта, который никак не может отделаться от исключительности этой позиции. Субъекту противостоят все другие люди в качестве объектов. В зависимости от перспективы каждый индивидуум может являться субъектом или объектом. Эту двузначную неопределенность можно понимать одновременно как преимущество или как недостаток. Преимущество состоит в том, что я всегда могу познать другого в полноте своего кругозора. Другими словами, я познаю другого лучше и полнее меня. С этой точки зрения бросается в глаза и недостаток: избыточность познания другого перед самопознанием, что касается и меня самого. Поэтому сам себе я остаюсь всегда загадкой.

³ БАХТИН, М. М.: Вопросы литературы и эстетики. Москва, Художественная литература 1975, с. 6–71.

Таким образом, моя субъективность складывается из ряда попыток посмотреть на самого себя извне»⁴.

Следовательно, по Бахтину, мыслить «о» человеке представляется невозможным. Можно мыслить лишь «к» человеку, обращаясь к нему, творя не диалог «голосов», а диалог личностных позиций. Бахтин пишет: «Персонализация ни в коем случае не есть субъективизация. Предел здесь не я, но я во взаимоотношении с другими личностями, то есть я и другой, я и ты»⁵.

Таким образом, сознание, ориентированное на бытие в культуре, выступает синонимом диалога в контексте культуры.

Понимание каждой культуры как одного из участников диалога по важнейшим вопросам человеческого бытия обосновывает диалог как всеобщую основу гуманитарного мышления, задача которого «заключается в том, чтобы вещную среду, воздействующую механически на личность, заставить заговорить, то есть раскрыть в ней потенциальное слово и тон, превратить ее в смысловой контекст мыслящей, говорящей, поступающей (в том числе и творящей) личности. [...] Вещь, оставаясь вещью, может воздействовать только на вещи же; чтобы воздействовать на личности, она должна раскрыть свой смысловой потенциал, стать словом. [...] Малое время (современность, ближайшее прошлое и предвидимое/желаемое/будущее) и Большое время – бесконечный и незавершимый диалог, в котором ни один смысл не умирает»⁶.

Итак, Бахтин исходит из того, что раскрыть сущность человека возможно только в общении с другим человеком на грани культур. Погружение в диалог культур и в диалог сознаний начинается с текста: «Физическое действие человека должно быть понято как поступок, но нельзя понять поступка вне его возможного (воссоздаваемого нами) знакового выражения (мотивы, цели, стимулы, степени осознанности и т.п.). Мы как бы заставляем человека говорить (конструируем его важные показания, объяснения, исповедь, признания, доразвиваем действительную или возможную внутреннюю речь и т.п.)»⁷.

Не случайно культуротворческая концепция М. М. Бахтина, его взгляды на природу диалога и «вненаходимость» ярко раскрываются в его исследованиях поэтики Ф. М. Достоевского. Вступая в надвременный диалог

⁴ ШМИД, У.: Субъективность как обыкновенная история: игра авторского «я» у Гончарова. http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_3/08_3_2001.htm.

⁵ БАХТИН, М. М.: Эстетика словесного творчества. Москва, Искусство, 1986, с. 343.

⁶ БАХТИН, М. М.: Эстетика словесного творчества. Москва, Искусство, 1986, с. 361–372.

⁷ БАХТИН, М. М.: Эстетика словесного творчества. Москва, Искусство, 1986, с. 292–293.

с писателем, ученый приходит к выводу о том, что герои произведений Достоевского всегда обращены друг к другу⁸, то есть их самосознание «сплошь диалогизовано, повернуто вовне, напряженно обращается к себе, другому, третьему»⁹. Таким образом, диалогические отношения становятся, считает Бахтин, «центром», «целью» и «самоцелью» изображения: «Диалог здесь не преддверие к действию, а само действие. Он и не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека; нет, здесь человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть... – не только для других, но и для себя самого»¹⁰.

Способность Ф. М. Достоевского проникать в самые тайные глубины человеческой души объясняется Бахтиным способностью писателя полностью слившись с героем, заставить его самого раскрыться. Такой диалог не может быть завершен, он потенциально бесконечен, открыт, свободен. Между тем Бахтин настаивает на принципиальном отличии самого временного разворачивания такого диалога от традиций рационалистического мышления: «Ни в одном из романов Достоевского нет диалектического становления единого духа, вообще нет становления, нет роста в той же степени, как их нет в трагедии... В каждом романе дано не снятое диалектически противостояние многих сознаний, не сливающихся в единство становящегося духа, как не сливаются души и духи в формально полифоническом дантовском мире...»¹¹.

Подобная неслиянность и есть отчетливое преодоление монологизма и переход на позиции плюрализма изображения, которое подразумевает акцент на сосуществование разнородных, противоречивых, даже взаимоисключающих друг друга позиций. Этот акцент переносит видение писателя с временного плана в план пространственный: «Разобраться в мире значило для него [Достоевского] помыслить все его содержания как одновременные и угадать их взаимоотношения в разрезе одного момента»¹².

⁸ БАХТИН, М. М.: Проблемы поэтики Достоевского. Москва, Художественная литература, 1972, с. 293.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 294.

¹¹ Там же, с. 30–31. Показательно, что большинство исследователей творчества Бахтина подчеркивают его глубинное неприятие релятивизма. Так, К. Эмерсон пишет: «What Bakhtin's ethical system will not tolerate, however, is relativism when that principle is invoked to release us the obligation to evaluate and commit» (EMERSON, K.: The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. New Jersey: Princeton University Press, 1997, p. 154–155).

¹² Там же, с. 33.

Такая интерпретация метода Достоевского сближает творчество писателя с идеями экзистенциалистов об актуализации бытия в моменте «здесь-и-сейчас», или, по М. Хайдеггеру, «вот-бытия», когда истинным оказывается для человека только Настоящее время – он вбирает в себя и Прошрое, и Будущее, давая тем самым возможность оценить собственную жизнь с позиций Вечности. Именно в актуальном моменте Настоящего человек оказывается на перекрестке всех наиболее существенных моментов своей жизни, всех своих планов и надежд, соединяя этапы своего пути с возможными проекциями Судьбы. В этот момент переосмысливается Прошрое и трансформируется Будущее.

Бахтин показывает, что большинство героев Достоевского переносят из прошлого только то, что для них драматически переживается в настоящем. Это могут быть жажда мести, память о совершенном грехе или преступлении, неизбывная обида и так далее. Достоевский как будто не стремится найти объяснения поступкам героев, раскрыть их состояние через влияние среды или обстоятельств. Для писателя причинность оказывается не столь значимой, гораздо важнее предугадывание последствий, современное проявление состояния героя.

Вследствие этого мир Достоевского предельно напряжен, каждый выбор героя означает совершение поступка, который может иметь самые непредсказуемые и опасные последствия. Таким образом, писатель очень выпукло обнажает проблему ответственности каждого человека за творимое им бытие. «В каждый момент своего бытия, – справедливо отмечает современный философ, – герои Достоевского находятся в событийно-фокусной точке, в которой большинство детерминаций монологического и диалектического характера играют незначительную роль и потому в каждом моменте жизни возможности актуального поступка предопределены прежде всего ответственно-субъектной позицией человека и его актуальными взаимоотношениями и взаимодействиями с другими такими же свободными индивидами.¹³

Таким образом, в культуротворческой концепции М. М. Бахтина утверждается одно важное для современной гуманистической педагогики понятие: сознавать – это одновременно знать свое бытие и знать бытие другого. Имеющий сознание человек должен обладать способностью смотреть на свое бытие со стороны. Значит, чтобы полно и глубоко осознать свое бытие, необходимо «находиться» вне его.

¹³ ДЬЯКОНОВ, Г. В.: Концепция диалога М. М. Бахтина – основа Экзистенциально-онтологической психологии. «Соціальна психологія», № 5 (19), 2006, с. 45–55.

Сознание, по логике Бахтина, трактуется как сознание, бытие как событие, как диалог. Сознать – значит, уметь видеть, слышать что-то, находясь между мгновенным, исчезающим «Я» и между «Я» окончательным, завершенным.

На сложный для каждого педагога вопрос: «Откуда взять ученику это второе «Я», завершённое, окончательное?» М. М. Бахтин находит ответ в своем основном предположении: «Сознание есть там, где есть два сознания», «дух есть там, где есть два духа». Очевидно, что это значительнейшее определение ученого имеет смысл только в отношении к сфере культуры в ее предельном воплощении – в опытах художественного воображения жизни человеческого духа, когда «два сознания» и «два духа», соединенные в личном самосознании (Я и Другой, Я и Ты), во-ображаются в окончательной завершённости, в абсолютной «внеаходимости».

Именно так раскрываются всеобщие определения духовной жизни человека, способного свободно преобразить свое бытие. Жизнь духа развивается усилиями самосознания, осуществляясь в культуре, в общении культур, в эстетической деятельности. Бытие в культуре, следовательно, и есть форма становления и преобразования сознания.

Идеи М. М. Бахтина, открывающие значимость и сложную структуру диалога во всех его проявлениях, сущность культуротворчества как «бытия-в-культуре», обращают наше внимание на особенности постижения культуры и истории в каждом индивидуальном человеческом бытии.

В этом контексте человек оказывается способным, пребывая в «настоящем времени», превратить это «настоящее» в постоянное, вечное, общаясь с непреходящими произведениями, отображающими ту эпоху, в которую они были созданы. Диалог с искусством – это глубокий искренний разговор с художником, смело взявшимся в своем «тексте» за решение важнейших проблем, претворяя в жизнь идеи «диалога культур» в интересах построения более справедливого, прекрасного и гуманного будущего, важнейшими условиями которого являются выдержка, верность обязательствам и сотрудничеству, единство рационального начала с чувством доброжелательности по отношению к Другому и его культуре.

Литература:

БАХТИН, М. М.: Вопросы литературы и эстетики. Москва, Художественная литература, 1975.

БАХТИН, М. М.: Заметки. Литературно-критические статьи. Москва, Художественная литература, 1986.

- БАХТИН, М. М.: Проблемы поэтики Достоевского. Москва, Художественная литература, 1972.
- БАХТИН, М. М.: Эстетика словесного творчества. – Москва, Искусство, 1986.
- БИБЛЕР, В. С.: Идея культуры в работах Бахтина. Одиссей. 1989, № 1. с. 21–59.
- БОРИСОВ, Е.: Диалог как судьба. Со-бытие с Другим в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера. В кн. Comprehensio. Вторые Шпетовские чтения. Творческое наследие Г. Г. Шпета и современные философские проблемы. Материалы международной научной конференции. 14–17 ноября 1996 года. Томск, Издательство «Водолей», 1997.
- ДЪЯКОНОВ, Г. В.: Концепция диалога М. М. Бахтина – основа Экзистенциально-онтологической психологии. «Соціальна психологія», № 5 (19), 2006.
- ХАЙДЕГГЕР, М.: Время и бытие. Москва, Республика, 1993.
- ШМИД, У.: Субъективность как обыкновенная история: игра авторского «я» у Гончарова. http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_3/08_3_2001.htm.
- EMERSON, K.: The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. New Jersey: Princeton University Press, 1997.